

# ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

## НЕФОРМАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ. ИСТОЧНИКИ РЕСУРСОВ И ВИДЫ ПРОМЫСЛОВЫХ ПРАКТИК ДОМОХОЗЯЙСТВ

*Плюснин Юрий Михайлович* (jplusnin@hse.ru)

Национальный исследовательский университет —  
Высшая школа экономики, Москва

**Цитирование:** Плюснин Ю.М. (2022) Неформальная экономика российской провинции. Источники ресурсов и виды промысловых практик домохозяйств. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 25(3): 58–90.  
<https://doi.org/10.31119/jssa.2022.25.3.3>

**Аннотация.** Представлено эмпирическое исследование неформальных экономических практик (промыслов) провинциальных домохозяйств России. Материал для исследования собран в 16 регионах страны. Автор применяет классическую методологию качественного исследования. Основные методы — непосредственное наблюдение и интервью. Провинциальные промыслы составляют значительную долю доходов домохозяйств и направлены преимущественно на самообеспечение. Представлена типология промыслов по (1) способам (типам) организации экономических практик и (2) источникам ресурсов. Выделены четыре типа организации практик: домашние промыслы, «рассеянные мануфактуры», «гаражная экономика» и отходничество. Показано, что типы промысловых практик имеют разное значение для жителей сельской округи, малых, средних и крупных городов. Промыслы на базе домохозяйств и отходничество наиболее важны для сельских жителей, «гаражная экономика» — для жителей крупных городов. В малых городах представлены все четыре типа промыслов. Выделены пять видов ресурсов, являющихся источниками промыслов. Они делятся на группы естественных (природные и хозяйственные) и социальных (инфраструктурные, людские и государственные) ресурсов. По количеству и структуре промысловых практик домохозяйств, использующих разные группы ресурсов, местные общества дифференцируются на несколько кластеров независимо от их географического положения и эколого-климатических условий. Узко специализированные на немногих видах промыслов домохозяйства — это приграничные с особыми экономическими условиями и специализированные сельские общества. Домохозяйства с преобладанием промыслов на природных и хозяйственных ресурсах составляют преимущественно изолированные самообеспечивающиеся сельские общества. Домохозяйства, где промыслы на социальных ресурсах преобладают над промыслами на естественных ресурсах, представлены городскими обществами с развитой инфраструктурой

и местной промышленностью, но с низкой способностью к самообеспечению, а домохозяйства, использующие большое количество промысловых практик с привлечением всех видов ресурсов, — давно сложившимися обществами городского и сельского типа с развитой местной экономикой. Обсуждается экономическая устойчивость провинциальных местных обществ, неформальная экономика которых базируется на разных источниках ресурсов.

**Ключевые слова:** неформальная экономика, домашняя экономика, промыслы, ресурсы, провинциальное местное общество, домохозяйство.

## Введение

Предметом исследования является самостоятельная промысловая активность провинциальных домохозяйств в местных обществах малых городов и в сельской местности России, где население в силу низких денежных доходов при формальной занятости вынуждено искать иные источники жизнеобеспечения. Поэтому объектом исследования стали не просто отдельные домохозяйства, а их совокупность в составе местных обществ и общин, территориально организованных в сельские и городские поселения, жители которых контролируют исторически определенную территорию, имеющую необходимые для жизнеобеспечения ресурсы.

Прежде всего я делаю акцент именно на провинциальных местных обществах и домохозяйствах, поскольку их неформальная экономическая активность сильно отличается от таковой в домохозяйствах крупных и средних городов не только по масштабу (он гораздо значительнее), но и по источникам ресурсов и видам промысловых практик (они существенно богаче), а также потому что для провинциальных домохозяйств «дополнительный источник дохода» нередко существенно более важен, нежели жалование, получаемое в государственном учреждении, или зарплата на предприятии, пенсия неработающим или пособие социально незащищенным. Кроме того, я обсуждаю здесь исключительно промысел как особую форму экономической активности населения, поскольку она не зависит непосредственно от регулируемой государством экономики. Это «вторая экономика», по терминологии, предложенной еще полвека назад (Grossman 1977).

Провинциальный промысел — это прежде всего самостоятельная хозяйственно-экономическая активность домохозяйства, использующего собственные средства и технологии и направленная на жизнеобеспечение (выживание) семьи и достижение иных, как правило социальных, целей, т.е. далеко не всегда целей извлечения дополнительного дохода. Этим определением акцентируется внимание на преимущественно неформаль-

ном характере промысловой деятельности населения, включающей нерыночные обмены, реципрокные связи между домохозяйствами, имеющей преимущественно не экономический, а хозяйственный акцент и связанный с низовой, «общинной» структурой локального сообщества. Такое производство находится по большей части вне капиталистических форм хозяйствования, не ориентировано на использование современных или инновационных технических средств (что, впрочем, спорно), однако здесь широко представлены кооперация и артельный или общинный способ организации труда. Промысловая деятельность не предполагает ни предпринимательства, ни бизнеса в их первичном значении (Кордонский 2010: 45–58). Таким образом, промыслы во многих случаях есть архаические экономические институты, лишь внешне прикрытые современными правовыми и организационными формами.

Такое определение в основных чертах соответствует определениям и других авторов, акцентирующих внимание на преимущественно неформальном характере промысловой деятельности, включающей нерыночные обмены (Scott 1976; Ильин 2001; 2001b; Барсукова 2003b; Barsukova, Radaev 2012), не на экономической, а прежде всего хозяйственной деятельности (Водарский, Истомина 2004; Павлов, Селеев 2015).

Неформальная занятость (самозанятость) российского населения в постсоветский период приобрела очень значительные масштабы. Хозяйственно-экономические практики населения провинциальной России многообразны, при том что они по преимуществу являются неформальными или теневыми, в том числе незаконными, способами жизнеобеспечения населения и составляют до половины и более совокупного дохода среднего домохозяйства. Эти практики особенно внушительны в провинциальных местных обществах, где от трети до половины и более всего трудоспособного населения не занято в местной экономике, а обеспечивает себя за счет промыслов самого разного вида (Плюснин 2022: 230–232). Между тем, несмотря на понимание масштабов и значения самозанятости в среде экономистов и социологов, до сих пор не осуществлено детализированное эмпирическое описание видов и форм промысловой активности населения. Одна из главных причин — необходимость изучения таких экономических практик населения с помощью непосредственных наблюдений, поскольку статистическими методами и анкетными опросами многообразие промысловых практик провинции не может быть выявлено. В статье я акцентирую внимание на феноменологическом описании промысловых практик провинциальных домохозяйств. Поэтому не осуществляю проверку операциональных гипотез, помимо базовой, согласно которой неформальная экономическая активность населения

в российской провинции многообразна и составляет существенную, даже превосходящую по объему часть системы жизнеобеспечения домохозяйств.

Проблема также заключается в систематизации форм и видов промыслов домохозяйств провинциальных местных обществ и в типологии промысловых практик в зависимости от вида поселения и географии местности. Систематического описания до сих пор не существует, при том что до середины XX в. таких исследований было очень много. Между тем в наше время эта неформальная хозяйственно-экономическая активность очень масштабна и многообразна. Во многих случаях она является основным или единственным источником жизнеобеспечения многих домохозяйств. Кроме того, такая активность, оставаясь во многом неформальной и теневой, вызывает все большее беспокойство органов государственной и местной власти, фискальных институтов. Самые яркие последние примеры — проблема двух десятков миллионов российских отходников (внутренних возвратных трудовых мигрантов) и, шире, самозанятого населения, численность которого даже по официальной оценке составляет более чем 40 млн человек ([www.hse.ru/news/extraordinary/79252003.html](http://www.hse.ru/news/extraordinary/79252003.html)). Подавляющая часть этих самозанятых работников, «отсутствующих» в местной экономике, как раз *промышляют*.

Исследования промысловых практик населения, особенно неформальной хозяйственно-экономической активности, необходимо разделить на три отчетливо различающихся периода: (1) примерно до середины XX в., когда исследования были многочисленны и отражали масштабность промысловой активности крестьянского населения России и СССР; (2) практически полное отсутствие исследований в послевоенный советский период; (3) возобновление исследовательского интереса к неформальным экономическим практикам населения в постсоветские годы. В первый период дореволюционная и довоенная промысловая активность (кустарное производство) и кооперативное движение населения России были масштабны и превосходили, по многим оценкам, аналогичную экономическую активность населения во всех других государствах Европы (Кустарная промышленность России 1913; Кулишер 2004; Гиндин 1925; Минц 1929; Владимирский 1927; Blum 1992; Водарский, Истомина 2004; Павлов, Селеев 2015). Однако с середины XX в. такие исследования прекращены, что было прямым следствием целенаправленного разрушения самодетельной промысловой активности населения, включая кустарное производство и промысловую кооперацию (Blum 1992; Селеев, Павлов 2016). В постсоветский период, особенно начиная с 2000-х годов, исследования возобновлены, что в равной степени вызвано как кризисными

явлениями в российской экономике (Гимпельсон, Капелюшников 2006; 2014; Чепуренко, 2008), так и новыми мировыми тенденциями, в частности распространением неформальной, неполной и негарантированной занятости (Скотт, 1999; Барсукова 2016; Standing 2011; Коллиер 2016; Barsukova, Radaev 2012; Kostakis, Bauwens 2014.; Plusnin et al., 2015; Ledeneva 2018). Три последних аспекта трудовой занятости, предполагающих формирование «нового опасного класса» — прекариата, и обуславливают нарастание интересов исследователей к промышленным практикам населения (см.: Стэндинг 2014).

На разных территориях промыслы сильно разнятся в зависимости от природных (лесные, водные или земельные ресурсы, эколого-климатические условия), социально-демографических (плотность населения и характер его расселения), социально-экономических (специализация местных экономик, исторически сложившиеся основные модели жизнеобеспечения домохозяйств и т.п.), инфраструктурных (транспортная, промышленная, энергетическая и селитебная структура и пр.) и социально-политических условий. В результате действия специфической совокупности условий на отдельных территориях формируются специфические, нередко уникальные виды промысловых практик. Исследования группы под руководством С.Г. Кордонского позволили выявить и описать такие специализированные и массовые виды промыслов, как отходничество (Плюснин и др. 2013; Plusnin et al. 2015), «рассеянные мануфактуры» (Кордонский, Плюснин 2018), «гаражные экономики» (Селеев, Павлов 2016), архаические и современные промыслы на основе добычи и использования природных и инфраструктурных ресурсов (Плюснин 2018), особые практики «народного освоения» государственных ресурсов (Кордонский 2000).

### Методология и материал

Основой для изучения неформальных хозяйственно-экономических практик провинциального общества является классическая методология качественного исследования. Два метода применены как основные и постоянные: непосредственное наблюдение *in situ* и интервью, всегда представленное разными формами, непременно включающими глубинное интервью. Методология подхода применяется мною во вполне сложившемся и давно уже традиционном социологическом духе (см., например: Garfinkel 1984; Ковалев, Штейнберг 1999). В рамках данной методологии основными методами получения результатов являются непосредственное наблюдение жизнедеятельности домохозяйств и неформализованные фокусированные интервью с местными жителями по вопросам их хозяй-

ственно-экономической жизни. Выявлялись и описывались взаимодействия, лежащие в основе межсемейных реципрокных отношений, а также система локальных связей, определяющая структуру неформальных экономических отношений. Специфической особенностью эмпирических исследований, базирующихся на непосредственном наблюдении, стало то, что в каждом обследуемом сообществе мы имели возможность выявить и описать как распространенные и большинство редких экономических практик населения в формальном поле, так и множество неформальных промысловых активностей. Эмпирический материал собирался в тесной привязке экономических практик домохозяйств не к уровню отдельных поселений, а к уровню общин и местных обществ, хотя сплошные фиксации экономических практик возможны только в отдельных поселениях. Все это позволяло реализовать методологию case study применительно к провинциальным локальным сообществам в социально-экономическом разрезе и составить целостное представление о локальной системе жизнеобеспечения.

Полевые исследования (экспедиции) носили разную тематическую направленность. Осуществлялся сбор материалов в целом по местному сообществу и проводились специальные исследования разных видов неформальной экономики провинциального населения. Это осуществлялось в виде сплошного обследования домохозяйств в каждом конкретном поселении (см. также описание в: Плюснин 2018). Непосредственными наблюдениями удалось зафиксировать все или подавляющее большинство видов промысловых практик в 144 поселениях (из них 37 малых городов и крупных поселков, а также 107 деревень, сел и станиц) в 39 местных обществах. Исследования были реализованы в результате проведения 16 экспедиций в период с 2015 по 2019 г. (рис. 1).

Несколько специальных экспедиций были посвящены изучению экономической практики «рассеянной мануфактуры», сравнительно редкой, но в локальном масштабе массовой для населения. Мы углубленно изучали местные общества в шести городах и их сельской округе, где смогли выявить такой тип неформальной экономики (Ростов Великий, Кимры, Углич, Лабинск, Новохопёрск, Урюпинск; на рис. 1 эти города отмечены). В каждый из этих городов было направлено от двух до пяти экспедиций (всего 14). Методология описана в статье (Кордонский, Плюснин 2018). Еще более объемные исследования проведены мною с коллегами ранее для изучения возвратной трудовой миграции (отходничества) в российской провинции. Мы специально изучали этот вид экономического поведения провинциального населения в период с 2009 по 2015 г. в 40 регионах России (см.: Плюснин и др. 2013: 58; Plusnin et al. 2015: 76–77).



Рис. 1. География полевых исследований промышленных практик домохозяйств в 2015–2019 гг. Серой заливкой закрашены обследованные территории. Черными точками отмечены малые города, где выявлены «рассеянные мануфактуры»

### Типы промышленных практик

Важно иметь в виду, что неформальная экономика в провинции, в отличие от таковой в крупных городах, развивается преимущественно в целях именно повседневного жизнеобеспечения, но отнюдь не ради производства товарного продукта в чистом виде. И даже само товарное производство в домашних промыслах населения имеет целью преимущественно самообеспечение. Это основа благополучия семьи, когда формально регистрируемые источники дохода оказываются далеко недостаточными. По моим оценкам, полученным непосредственно на местах, неформальная экономическая активность составляет до половины и более всего объема местной экономики в тех нередких случаях, когда на территории отсутствуют крупные промышленные предприятия или агрохолдинги.

Эмпирическая фиксация многообразных видов промышленных практик предполагает прежде всего выделение (а) форм организации деятельности (типов практик) и (б) источников ресурсов, необходимых для осуществления экономической деятельности. Обе эти составляющие могут быть реализованы на определенных уровнях организации административно-

территориальной структуры. Типы практик предполагают разную селитебную структуру. Ресурсы, привлекаемые домохозяйствами, предполагают особый характер организации контролируемой территории.

В сфере «второй экономики» можно выделить несколько типов промысловых практик, имея для этого эмпирические основания. Я выделяю четыре типа промыслов, основываясь на следующих критериях: место приложения трудового усилия; тип населенного пункта, где проживают субъекты промыслов; характер их кооперации и особенности организации производственной деятельности. Эти следующие типы: (1) домашние промыслы домохозяйств, (2) «гаражная экономика», (3) «рассеянная мануфактура», (4) «отхожие промыслы».

*Домашние промыслы домохозяйств* предполагают добычу и утилизацию ресурсов на территории самого местного общества, обычно в окрестностях населенного пункта и на подворье, усадьбе домохозяйства. Нередко они потребляются с минимальной переработкой и используются только для непосредственного жизнеобеспечения, а не для продажи, хотя назначения промыслов «для потребления» и «для продажи» в действительности нельзя различить сколь-нибудь четко.

Неформальная экономическая активность людей, объединяемая термином «домашние промыслы», очень многообразна, прежде всего из-за множества используемых и привлекаемых ресурсов, а также из-за разнообразия и видов производимых продуктов. Она, как известно, существует повсеместно, местами едва заметная, местами всеподавляющая (Schneider 2005; 2015; Williams 2009). Необходимость систематизировать многообразие таких промыслов требует обратить внимание прежде всего на виды ресурсов, которые население привлекает при промысловой деятельности. Моя систематизация домашних промыслов основывается именно на этом критерии. Остальные критерии не столь определены, поскольку все виды домашних промыслов осуществляются на месте. Абсолютное большинство домашних промыслов неформальны и реализуются домохозяйством в целом, что в значительной степени снимает вопрос структуры социальной группы, вовлеченной в такую деятельность. Важные особенности домашних промыслов — развитая родственная и соседская кооперация, продолжительность и массовость занятий населения такими практиками. Большинство таких промыслов крайне редко легализуются (Cherupenko 2018). Но важно, что они всегда локально легитимны — население не осуждает никакие местные промысловые практики, в том числе криминальные, напротив, массово поддерживает их (Ledeneva 1998; Schneider, Enste 2000; Радаев 2013). Промыслы приносят значительные доходы, нередко многократно превышающие официальные



(Ledeneva 2018). Но часто доходы имеют неденежные формы (Scott 1999; Ильин 2001; Барсукова 2003b).

Я зафиксировал около полутора сотен видов домашних промыслов, которые осуществляются с использованием либо одного, либо сразу нескольких видов ресурсов. Многообразие домашних промыслов на территории местного общества велико, но еще выше их вариативность на разных территориях России. Домашние промыслы по своей видовой принадлежности могут быть отнесены к любому из выделяемых исследователями четырех видов неформальных экономик (Барсукова 2009: 112–123). Это могут быть собственно домашние экономики — хозяйственная деятельность, осуществляемая в рамках одного домохозяйства, использующего индивидуально-родственные связи для производства натуральной продукции с целью повседневного жизнеобеспечения, без выхода на рынок. Подавляющее большинство домохозяйств включены в этот вид неформальной экономики. Домашние промыслы есть также «реципрокная экономика», создающая нерыночные и неденежные сети взаимного (реципрокного) обмена между родственными домохозяйствами (но нередко и между соседями). Во многих наших провинциальных обществах повседневная жизнь людей невозможна без поддержки со стороны соседей и родственников. Во многих случаях необходимы кооперация, артельный труд и «помочи». Причем это в равной степени относится не только к сообществам Севера Сибири или Арктики, где люди не могут существовать изолированно, но и к сообществам средних широт в Нечерноземье и даже к южным сообществам Северного Кавказа или Приморья. Такую взаимную поддержку домохозяйств мы обнаруживаем в любом местном обществе, где-то в меньшем, а где-то и в полном объеме (впрочем, это характерная черта не только российского провинциального общества, см.: Ledeneva 2018: 125–212). Немало домохозяйств погружены в теневую и криминальную экономику. Особенно это касается добычи запрещенных ресурсов (например, семги, осетровых рыб, «краснокнижных» зверей и птиц — тигра, барса, лебедя, улара, таких растений, как женьшень, золотой, маралий или красный корень) или производство и распространение запрещенной продукции (например, выращивание конопли и мака, изготовление и сбыт синтетических наркотиков, выращивание свиней на частных подворьях, что запрещено в некоторых регионах, предоставление услуг проституток, торговля самогоном и виноматериалами). Несмотря на все запреты, повсеместно многие домохозяйства заняты в таких криминальных видах промыслов, осуществляя свою деятельность на базе личных и клановых связей и используя закрытые криминальные рынки, куда, впрочем, доступ посто-

ронним не затруднен в силу локальности и «круговой поруки» (взаимной поддержки знакомых людей).

«Гаражники» — своеобразная группа, широко представленная в крупных и средних городах России, но немногочисленная в провинциальных малых городах. Это особая категория самозанятых, выявленная и описанная не столь давно Александром Павловым и Сергеем Селеевым (Селеев, Павлов 2016). К категории «гаражников» ими отнесены те самозанятые индивидуальные предприниматели или их коллективы (бригады и артели), которые осуществляют свое производство или предоставление услуг в индивидуальных гаражах, располагающихся на выделенных территориях гаражно-строительных кооперативов, а не на усадьбе собственного дома. Поэтому большинство таких кооперативов располагаются в крупных городах, где жители не имеют усадеб и индивидуальных построек для гаражей, а проживают в многоквартирных домах. В провинциальных обществах мало таких «гаражников», и они действительно образуют здесь маргинальную группу неформально занятых предпринимателей. В малых городах многие жители имеют частные дома и гаражи на усадьбе. Однако в тех же малых городах есть и жители многоквартирных домов, которые также вынуждены организовываться в гаражные кооперативы. Поэтому в провинции «гаражники» хотя и есть, но почти исключительно в административных центрах, и их практически нет в сельской округе. Местные эксперты обычно относят их к «теневым» индивидуальным предпринимателям. Но «гаражники» являются наиболее неопределенной группой, смыкающейся с зарегистрированными малыми предпринимателями и в то же время составляя костяк незарегистрированных самозанятых предпринимателей. А. Павлов и С. Селеев сумели зафиксировать в гаражах в 14 крупных и девяти средних и малых городах более 110 видов разнообразных промыслов (Селеев, Павлов 2016: 36–37). Разнообразные «гаражные» промыслы осуществляются на базе профессиональных компетенций предпринимателя, полученных в результате обучения и производственного опыта или использования собственного vitalного ресурса (лично времени и физического усилия).

«Рассеянные мануфактуры». Этот вид неформальной экономической деятельности провинциального населения обнаружен и описан мною и С.Г. Кордонским в 2014 г. (Кордонский, Плюснин 2018; Plusnin, Kordonsky 2020). В отличие от домашних промыслов, распространенных повсеместно и особенно значимых в сельской местности, «рассеянные мануфактуры» — особая форма экономической активности населения. Представлена эта экономическая практика только в малых городах, распространяясь на ближайшую к ним сельскую округу. Такая форма экономики присуща

сообществам, территории или характер производства которых удовлетворяют особым условиям, а именно уникальности ресурсов и/или уникальности производства. «Рассеянные мануфактуры» — явление не столь частое, как другие формы экономик, но в местностях, где они обнаружены, в них задействовано значительное количество или даже большинство домохозяйств. Впрочем, эта форма экономической самоорганизации населения возникает, по-видимому, только в период острого кризиса и может довольно быстро исчезнуть, превращаясь в классическую капиталистическую мануфактуру. Мы уже зафиксировали признаки такой эволюции.

«Отходничество». Напротив, наиболее широким масштабом отличается феномен нерегистрируемой возвратной (циклической, сезонной) трудовой миграции жителей сельской местности и малых городов в крупные города и промышленные центры страны. Мы впервые описали их в начале 2010-х годов (Плюснин и др. 2013; Plusnin et al. 2015). В последние полтора-два десятилетия циклическая трудовая миграция захватила всю территорию страны и все без исключения провинциальные общества. В отходе заняты жители деревень и сел, малых и крупных городов. Первоначально исключительно мужская деятельность, в настоящее время она включает и многих женщин. В значительной своей части это неформальная трудовая практика, официально никак не регистрируемая.

### **Селитебная структура промысловой активности домохозяйств**

Вышеупомянутые типы неформальных экономических практик представлены по-разному в поселениях разного типа, обнаруживая определенную зависимость. На рисунке 2 приведена схема соотношения четырех типов промыслов с селитебной структурой. Домашние промыслы и отходничество широко распространены в селе и малом городе, и их масштабы резко сокращаются в среднем и крупном городе. Отходничество — удел жителей сел и малых городов, но в последнее десятилетие этот вид промыслов стал распространяться и в более крупных городах. «Рассеянные мануфактуры» обнаруживаются только в малых городах и в ближайшей к ним сельской округе, они не найдены ни в средних, ни в крупных городах. Напротив, «гаражная экономика» распространена только в крупных и средних городах, она почти отсутствует в малом городе и совсем нет ее в селе.

Рассматривая приведенную схему, надо иметь в виду, что объем неформальных экономических практик и разнообразие ее видов много больше в сельской местности и малом городе, нежели в крупных и средних городах. Поэтому на рисунке приведены лишь относительные доли

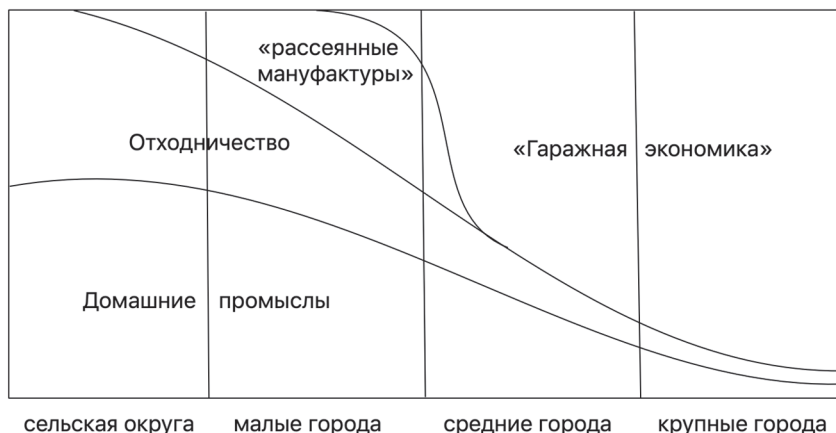


Рис. 2. Представленность типов неформальных экономических практик домохозяйств в зависимости от типа поселений. Пояснения в тексте.

Источник: (Плюснин 2022: 235)

для каждого вида поселения отдельно. Нельзя, например, сравнивать объем домашних промыслов с «гаражной экономикой» по их площадям, выделенным на рисунке: первая значительно больше второй, точно так же и численность отходников много больше численности «гаражников». Кроме того, на рисунке показано примерное соотношение долей промыслов в разных типах поселений. Условность такого соотношения очевидна из того факта, что одни и те же семьи могут быть заняты и во множестве видов домашних промыслов, и одновременно в других типах, например одновременно в отходе, «мануфактурах» и «гаражах».

О чем может свидетельствовать такое разобщение «селитебно-экономических ниш»? Замечу прежде всего, что наибольшее разнообразие видов промысловых практик имеет место в малых городах. Это видно на схеме. Все четыре типа неформальных экономических практик тут представлены, и даже «гаражная экономика» имеет место. Сельская округа обеспечивает свое существование исключительно за счет домашних промыслов и отходничества. Участие сельских жителей в «рассеянных мануфактурах» имеет место только в поселениях, близких к городам, где таковые есть. В средних и крупных городах доминирует «гаражная экономика», а домашние промыслы и отход имеют весьма малое значение, это удел скорее населения здешних окраин и пригородов. Наличие в селе больших усадеб предполагает развитое домашнее производство. Низкая плотность населения и изобилие природных ресурсов предполагают

высокодоходные природные промыслы. Нехватка «живых денег» и отсутствие источников их поступления на месте вследствие отсутствия рынка труда заставляет сельских жителей заниматься отхожими промыслами.

Ситуация в крупных и средних городах противоположная. Тут есть достаточно развитый рынок труда и всегда скудные, но достаточные для жизнеобеспечения источники денежных доходов. Но нет возможности промыслить на природных ресурсах. Здесь домашние промыслы ограничены производством натуральной продукции на небольших (обычно 300–600 м<sup>2</sup>) садовых участках, которые хотя есть у подавляющего большинства городских семей (Нефедова, Аверкиева, Мохрова 2016: 300–335), но лишь в небольшой мере могут явиться источником самообеспечения. Поэтому все дополнительные доходы получают за счет «шабашничества» в гаражах, если только человек живет не за счет криминальной деятельности и не уезжает на более доходные заработки в Сибирь и «на Севера».

Наихудшая ситуация, как с точки зрения возможностей самообеспечения, так и с точки зрения развитости рынков труда, имеет место именно в малых городах – административных центрах местных обществ. Это особенно болезненно сказалось на жителях малых городов в 1990-х годах. Вследствие этого население малых городов за три десятилетия выработало многообразные механизмы адаптации и фактически к нынешнему времени стало *эвритопным* с точки зрения способов жизнеобеспечения в нестабильной среде, что и отражает схема (рис. 2).

Поэтому анализ неформальной экономики местного общества демонстрирует существенные различия обеих его территориальных составляющих — центра и сельской округи. Промысловые практики сельской округи разнообразны, но однородны. В административном центре они разнообразны, но и разнородны. Одновременно с этим и местная формальная экономика в центре представлена четырьмя-восемью десятками бюджетных учреждений, чего нет почти совсем в сельской округе. Именно в центре концентрируются почти все местные производственные предприятия и сфера услуг, здесь же и наибольшая доля индивидуальных предпринимателей. Так что в малом городе оказываются сконцентрированы обе сферы местной формальной и неформальной экономики. В этом смысле малый город есть квинтэссенция локальной экономики.

### Источники ресурсов

Ресурс — это добытый в природе или произведенный собственными силами продукт, используемый для непосредственного жизнеобеспечения (пропитания, обогрева, обустройства убежища) или в качестве сырья

для обеспечения производственной деятельности. Все местные ресурсы имеют разные источники. Исходя только из требований очевидности и удобства обозрения все разнообразие ресурсов провинциальных обществ может быть представлено пятью группами:

- 1) природные ресурсы (преимущественно лесные и водные), добываемые обычно на территории, контролируемой местным сообществом, что обычно отражено в административно-территориальном устройстве (хотя имеются особые природные ресурсы, источники которых значительно удалены от места проживания субъектов их добычи);
- 2) ресурсы *in situ*, полученные в результате производства на собственном подворье, в личном подсобном хозяйстве и в качестве сельскохозяйственной продукции в пределах административной территории; такие ресурсы удобно назвать хозяйственными;
- 3) инфраструктурные ресурсы (транспортные, энергетические, коммунальные, селитебные) — источником промышленной деятельности домохозяйства является имеющаяся местная инфраструктура;
- 4) люди в качестве ресурса, являющиеся непосредственным источником средств существования для домохозяйства путем получения дохода в результате предоставления платных услуг или продажи добытой/произведенной продукции;
- 5) государство как ресурс, т.е. промыслы домохозяйства на социальных гарантиях и обязательствах государства или «сбоях» государственного регулирования.

Однако для конкретного вида промышленной практики нельзя выделить в чистом виде только один источник ресурса. Безусловно, те и другие виды ресурсов смешиваются. Например, люди как ресурс почти всегда предполагают наличие инфраструктурных ресурсов, нередко и определенных природных ресурсов. Так, отдыхающие, привлеченные бальнеологическими свойствами ландшафта (например, лечебные грязи соленых озер юга Западной Сибири), обычно нуждаются и в развитии транспортной и коммунальной инфраструктуры на привлекательной территории, а местное население может извлекать доходы из всех трех источников ресурсов одновременно. Так что почти каждая практика требует не одного вида ресурса, а нескольких. Тем не менее имеет смысл дифференцировать промыслы именно по основному используемому виду ресурса, остальные виды следует рассматривать как вспомогательные, хотя и необходимые.

Выделяемые пять видов ресурсов распределяются на две группы. Прежде всего с очевидностью выделяются ресурсы «естественные», традиционно используемые людьми, — природные и хозяйственные. Вторая

группа — это ресурсы социального плана, источниками которых являются инфраструктура, люди и государство.

Ресурсы первой группы добываются непосредственно «из природы» или являются производными от переработки природных ресурсов в домохозяйстве, «на подворье». Например, пчеловодство есть ресурс для медового промысла в форме придорожной торговли медом, возникающий в результате преобразования природного ресурса — медосборной активности пчел. При этом для торговли на дорогах медом неважно, как собран мед — из ульев на пасеке или из бортей в тайге. Часть хозяйственных ресурсов производится на огороде и на скотном дворе. Поэтому в некотором смысле трудно различить природные и хозяйственные ресурсы, будь то бортевой мед или овцы, свиньи и кони, пасущиеся в «дикой природе» в степи или в лесу, и, чтобы их использовать, хозяину необходимо накопить сена по сусекам в «чистом поле» или выйти на охоту с ружьем, что в России не редкость. То же касается, например, лечебного растения женьшень, столетиями выращиваемого на таежных делянках многими домохозяйствами в Приморье тайком от соседей и государства. Еще очевиднее ситуация с клубникой, собираемой как на лугах и на лесных опушках, так и на грядках в частном огороде, но на автостраде продаваемой едва не из одной корзины. Даже такие хозяйственные ресурсы, как трепанги и устрицы, производимые на морских фермах или вылавливаемые в море непосредственно рядом с фермой, требуют наличия природных ресурсов морской акватории. Поэтому при выборе ресурса в качестве основного для конкретного промысла акцент делается на доступности, трудоемкости и особенностях переработки сырья.

Природные ресурсы могут использоваться без переработки (грибы и ягоды продаются сразу на автостраде) или при минимальной переработке (нарезанные ветки березы или пихты на месте превращаются в веники для бани и продаются на той же автостраде). В случае же хозяйственных ресурсов выращивание и переработка на подворье являются основным и наиболее трудоемким компонентом. Например, консервирование грибов и ягод, собранных в лесу или на огороде на своей усадьбе одинаково более трудоемки сравнительно с их сбором и потому промысел по их переработке в соленые рыжики или в малиновое варенье с целью либо потребления зимой, либо для продажи на автостраде следует квалифицировать как промысел на основе хозяйственных ресурсов. Здесь мне представляется важным еще раз обратить внимание (см.: Plusnin et al. 2015: 112–115) на существенный момент, относящийся к природным ресурсам: в России это в основном ресурсы леса-тайги и моря-реки. Эти ресурсы очень широко используются населением. Одновременно госу-

дарство не может контролировать достаточно или не контролирует совсем утилизацию этих ресурсов населением. В возможности населения использовать для собственного жизнеобеспечения природные ресурсы бесконтрольно со стороны государства состоит одна из многих важных уникальных особенностей России, отличающая ее от всех стран Европы и от подавляющего большинства других стран мира.

Ресурсы второй группы, инфраструктурные, «возникают» тогда, когда промышленные практики используют транспортную, энергетическую, информационную, коммунальную, селитебную и производственную инфраструктуру территории в качестве базового источника. Они тесно пересекаются с природными ресурсами, которыми в случае наличия инфраструктуры становятся нейтральные до того момента свойства ландшафта. Например, природные курортологические свойства Черного и Азовского, Каспийского и Восточного морей, их лиманов, бухт и пляжей становятся актуальными для промышленной активности местного населения только тогда, когда на территории имеется транспортная и коммунальная инфраструктура, удовлетворяющая физические потребности отдыхающих и туристов (автодороги и гостиницы, рестораны и клубы). Используя инфраструктуру территории как ресурс для промышленной деятельности, местное население может изымать финансовые средства и из потока туристов, и просто из проезжающих людей. Поэтому инфраструктурные ресурсы актуализируют и хозяйственные: люди начинают производить сельской продукции больше собственных потребностей и выносить ее на продажу.

Но именно в этом случае одновременно появляется и новый источник ресурса — людской. Большая масса туристов, отдыхающих или проезжающих становится источником разнообразных услуг. Сами такие услуги возможны только в случае, если есть инфраструктура. Не люди как таковые являются ресурсом, а значительный людской поток, протекающий сквозь территорию и местами замедляющий свое движение на ней. Этот поток и представляет собой ресурс для промышленной активности населения. Например, строительство Крымского моста, соединившего Таманский и Крымский полуострова, повлекло за собой развитие транспортной и производственной инфраструктуры, появление множества рабочих на Тамани и в Темрюке, а затем и новых потоков туристов. Это создало новые возможности для неформальной экономики местного населения, которое массово переключилось на новые виды ресурсов (сдача в аренду квартир и проституция, открытие кафе и ресторанов, производство больших количеств винограда и распространение нелегальной продажи вина и самогона и т.п.) и забросило многие традиционные промыслы, основанные на природных ресурсах (см. об этом специально: Плюснин 2018).



Государство как ресурс приобретает значение тогда, когда люди используют его социальную политику в качестве источника неформального (а обычно криминального) дохода. Так, получение незаконных пособий или льгот, таких как пенсия по фиктивной инвалидности или на давно умершего родственника, или материнский капитал на нерожденных детей, или четыре пенсии по старости, или манипуляции с приемными детьми в семьях (перечисленное — реально зафиксированные незаконные, но распространенные практики населения) — все это я называю промыслами на государстве, которое в данном случае выступает источником дохода. Сами такие промыслы возможны только на социальном государстве, поскольку провоцируются его социальной политикой, предлагающей те или иные формы поддержки определенным (назначенным) категориям населения. Например, представителям коренных малочисленных народов Севера, казакам, инвалидам, многодетным матерям, малообеспеченным семьям и т.п. Каждая из перечисленных категорий подпадает под специальные федеральные нормативно-правовые акты, т.е. их социальное обеспечение пенсиями, пособиями и льготами узаконено.

Собственно криминальный промысел на государстве возникает тогда, когда льготы и пособия начинают получать люди, не относящиеся к указанным категориям, но фиктивно записавшиеся в них. Помимо непосредственного «промышления на государстве», широко распространены и промыслы населения на регуляторных «провалах» государства (например, в многочисленных случаях с ковид-ограничениями), однако это отдельная тема. Массовость промыслов на государстве делает их существенным подспорьем для некоторых местных обществ. Таковы, например, северные изолированные общества, где значительные группы населения получают как законно, так и фиктивно многие «северные» льготы и специальные пособия по принадлежности к коренным малочисленным народам. Аналогична ситуация на крайнем юге России. Отсюда возникают такие несуразности, как «распространенность» инвалидности в каждой пятой (20 %) семье в России, или ситуации, когда немалая, но значительная часть (но все еще неизвестно какая) граждан недавних постсоветских государств получают пенсию как по месту проживания, так и российскую. Столь же давно, с первой половины 1990-х, стала обычной практика «промыслов по безработице», особенно в сельской местности, когда люди, получающие доходы от занятий в личном подсобном хозяйстве, регистрируются в качестве безработных с целью к старости иметь более высокую (нередко вдвое) пенсию, чем если бы они получили ее, нигде не работая (см.: Плюсин, Пошевнёв 1997). С той же целью люди устраиваются фиктивными помощниками-сиделками к пенсионерам с ограниченной подвижностью.

Государство как ресурс стоит особняком в отношении сочетания разных видов ресурсов как источника конкретной промысловой практики — для его использования часто не нужны никакие другие виды ресурсов. Поэтому использование людьми этого источника ресурсов в своих экономических практиках превращает их в узкоспециализированных «промышленяющих», что чревато негативными последствиями для домохозяйства, да и для местного общества в целом. Такие примеры мне известны.

Все пять видов ресурсов различаются по их доступности и сезонности, трудоемкости и способу добычи. Доступность природных, хозяйственных и социальных (государственных) ресурсов для населения пространственно изолированных сообществ обычно выше, чем для населения обществ, расположенных на транспортных магистралях. Но для населения последних гораздо выше доступность людских и инфраструктурных ресурсов. В этом отношении многие местные общества в провинции в пределах одного региона используют разные виды ресурсов для жизнеобеспечения и занимают разные и несмежные «экономические ниши», аналогично нишам экологическим.

Сезонность привлечения ресурсов имеет важное значение в отношении трех видов — природных, хозяйственных и людских ресурсов и не имеет значения для инфраструктурных и социальных (государственных). Но если сезонность природных и хозяйственных ресурсов перекрывается в течение годового цикла (летом и зимой население использует разные и природные, и хозяйственные ресурсы, без потерь переходя от одного к другому), то сезонность использования человеческого ресурса почти всегда крайне неравномерна и в российских условиях становится невозможной зимой при явном избытке летом, что создает перекосы в равномерности поступления доходов от промыслов. Поэтому от сезонной неравномерности поступления людских ресурсов страдает население южных «магистральных» обществ, а население северных изолированных обществ редко располагает таким ресурсом.

### **Виды промысловых практик, реализуемые с использованием разных ресурсов**

Неформальные экономические практики населения всегда фиксируются в значительном количестве и во всех провинциальных местных обществах — в каждом поселении можно выявить от двух до трех-четырёх десятков разных видов промыслов. При этом в каждом местном обществе фиксировалось от 25 до 80 и более отдельных видов промысловых практик (в сумме для отдельных общин или поселений), хотя повсеместно наблюдается значительная вариация распространенности и неформальности

практик. Часть промыслов регистрируется официально, особенно промыслы, связанные с гостиничным бизнесом, услугами для отдыхающих и туристов, гостевые дома, кафе или салоны стоматологии, т.е. использующие человеческие ресурсы. Но одновременно те же виды промыслов в тех же поселениях широко представлены и неформально. Есть отдельные виды промыслов, даже использующие природные ресурсы, которые существуют только в формальном поле и которые никак не спрячешь от фискальных органов, поскольку они на виду (например, фермы марикультур, рыборазводные пруды или лесопилки). Однако даже в этом случае формальное поле представлено лишь частично. В статистической отчетности предпринимателей показывается не более пятой части добываемой продукции или предоставленных услуг, большая же часть уходит на местный, региональный и даже международный рынок нелегально.

В таблице ниже приведено распределение всего количества зафиксированных видов промыслов соответственно основному источнику ресурсов (не учитывалось перекрывание источников, когда в конкретном промысле используется несколько видов ресурсов).

Таблица

**Распределение видов промыслов по основным источникам ресурсов**

Вид ресурсов	Количество зафиксированных промыслов	Доля в %
Природные	26	19
Хозяйственные	44	33
Инфраструктурные	25	19
Человеческие	26	19
Социальные (государство)	13	10
Итого	134	100

Наиболее частые виды промыслов в каждой из ресурсных групп, выявляемые практически во всех местных обществах (а в ряде случаев и в подавляющем большинстве поселений в каждой общине), следующие. Из промыслов на природных ресурсах — это рыбалка, охота и сбор грибов и ягод для самообеспечения (те же виды промыслов для получения дополнительного дохода, на продажу, фиксируются гораздо реже).

Среди многочисленных хозяйственных промыслов, основанных на ресурсах собственной усадьбы или переработки добытого в природе, основными видами являются производство картофеля, огородничество и кон-

сервирование всевозможной продукции, произведенной или принесенной. Менее распространены такие виды, как выращивание скота на подворье и производство кормовых трав, молока и молочной продукции (творога, масла, сыра), частное тепличное хозяйство и пчеловодство. В этой же группе широкое распространение имеют такие надомные кустарные промыслы, как производство и продажа местных «этнографических» сувениров, разнообразные художественные промыслы, а также надомный ремонт бытовой техники, пошив и ремонт одежды, ремонт обуви, разнообразные виды вязания.

Базовые промыслы с использованием инфраструктурных ресурсов (прежде всего транспортной) относятся к двум группам: (1) придорожная торговля на автотрассах или торговля в магазинчиках, палатках, на лотках, а также интернет-торговля на дому всевозможной продукцией, как произведенной самостоятельно (торты, варенье, консервы, вино и пр.), так и приобретенной; (2) автотранспортный промысел — автосервис, грузоперевозки, извоз. Менее распространен уличный «калым» (ситуативные услуги, осуществляемые на усадьбе, такие как колка дров, перекапывание земли, мелкий ремонт и пр.). Важно обратить внимание на получающую все большее распространение информационную самоорганизацию населения: предоставление разнообразных услуг через интернет.

Использование людей в качестве источника ресурсов (обычно вместе с инфраструктурой) имеет место чаще всего при оказании услуг туристам (но не дачникам), в деятельности местных микрофинансовых организаций, предоставлении услуг в гостевых домах и местных кафе и столовых. Самым массовым промыслом является отход, возвратная (циклическая) сезонная трудовая миграция — он повсеместен и вездесущ.

Промыслы на государственном уровне не столь распространены во всех провинциальных местных обществах, но выявляются повсюду. Основные среди них — «профессиональные безработные», мошенничество с материнским капиталом и сельскохозяйственными паями.

Указанные выше массовые промыслы, зафиксированные практически во всех сообществах и в большинстве домохозяйств, представлены всего менее 6 % видов. Мы зафиксировали всего семь видов промыслов, которые имеют место почти во всех провинциальных обществах, почти во всех поселениях, а в них — в подавляющем большинстве домохозяйств. Из промыслов на природных ресурсах — это сбор ягод в лесу и на лугах. Из промыслов на основе хозяйственных ресурсов — это выращивание овощей и картофеля, а также консервация продукции своего огорода и сада. Из промыслов на основе инфраструктурных ресурсов — извоз (такси) и торговля в магазинах. Промысел на человеческих ресурсах — только отход-

ничество, действительно массовый и повсеместный вид экономической практики. Промысел на социальном государстве нельзя признать массовым видом. Обобщая полученную картину массовых видов промыслов, можно сформулировать следующее утверждение: все население провинциальной России зимой ездит в отход в поисках источников дохода вне дома, а возвращаясь к лету домой, выращивает картофель и овощи, собирает ягоды по лесам и лугам и консервирует все добытое и произведенное на следующий год. Самодостаточность, основанная на самодеятельности.

Подавляющее большинство выявленных промыслов имеют преимущественно или исключительно неформальный характер (таковы 96 из 134 зафиксированных). Это чаще всего промыслы на основе природных и хозяйственных ресурсов. Наоборот, промыслы на государстве по определению находятся в формальном поле, хотя и являются либо незаконными, либо результатом «провала» государственного регулирования, либо то и другое вместе (например, получение незаконных пособий «по бедности», инвалидности, пользование льготами малочисленного коренного народа или поступление в «сословие казаков», промыслы на приемных детях, «обманные сиделки», промыслы на стихийных бедствиях).

До половины из всех выявленных видов промыслов (42 %) являются специфическими, но достаточно распространенными — представлены хотя бы в половине обществ. Редкие промыслы, зафиксированные только в некоторых обществах (например, незаконная добыча золота или плантации женьшеня, торговля самодельным бензином или аферы с банковскими кредитами) или в единичных домохозяйствах (например, предоставление эзотерических услуг, или религиозные практики на дому, или нищенство) зафиксированы в чуть более четверти обществ. В общей сумме редкие и специфические виды промыслов имеют место либо на юге Европейской России, либо только на Севере, либо в Сибири и на Дальнем Востоке, либо только на западе страны. В Центральной России таких практик немного, здесь преобладают наиболее распространенные виды промыслов. Всего они составляют почти 70 % в промысловом пуле населения. Это свидетельство как разнообразия экономических практик, так и значительных эколого-географических и климатических различий нашей территории.

### **Типология местных обществ по количеству и структуре промысловых практик домохозяйств, использующих разные группы ресурсов**

Очевидно ожидать, что местные общества, расположенные на разных территориях, в разных эколого-климатических условиях, в разных ланд-

шафтных зонах, будут иметь и разную структуру промысловых практик, и разную степень использования тех или иных ресурсов. Между тем постановка формального вопроса о связи между количеством промыслов домохозяйств, зависимых от определенных ресурсов, и особенностями социальной организации провинциальных местных обществ привела к любопытному и нетривиальному результату. Оказалось, что местные общества используют разные виды массовых промыслов и разные источники ресурсов в зависимости скорее от селитебно-территориальных, социально-политических и экономических факторов, нежели от факторов экологических и географических. Зависимость от этих последних имеет место преимущественно в редких и уникальных видах промыслов (но, как я уже указал выше, суммарное по всем местным обществам количество редких промыслов велико).

На рисунке 3 представлено распределение обследованных местных обществ (в ряде случаев — отдельных изолированных общин) в зависимости от количества промысловых практик, основывающихся как на источниках природных и хозяйственных ресурсов, так и на ресурсах социальной природы. В четырех квадрантах, дифференцированных по медианным значениям (они совпадают со средними) количества зафиксированных видов промыслов на ресурсах разной природы, выделяются четыре же группы местных обществ. Границы между выделяемыми группами условны в силу неспецифичности заданных критериев (количество видов промыслов и их ресурсные источники). Тем не менее различия между группами оказались содержательными. Это и отмечено на рисунке 3: штриховыми замкнутыми линиями очерчены те общества, которые оказались близкими по своим структурным характеристикам (административно-территориальная специализация, качество территории, селитебный статус, развитие местной экономики). В силу этого выделенные четыре кластера перекрываются и не умещаются в одном квадранте. Какими особенностями характеризуются местные общества из разных кластеров?

В кластере 1 оказались объединены местные общества, которые следует считать специализированными (особенно если обратить внимание на ядро из десяти обществ в левом нижнем углу). Половина всех обществ (8) являются приграничными территориями или здесь располагаются воинские части. Домохозяйства другой половины обществ (9) узко специализируются всего в нескольких видах массовых промыслов. При этом здесь редко есть крупные промышленные производства, а административные центры обществ — это поселки или села, городов в этом кластере нет совсем. Анализ этих обществ показывает, что малое количество эко-

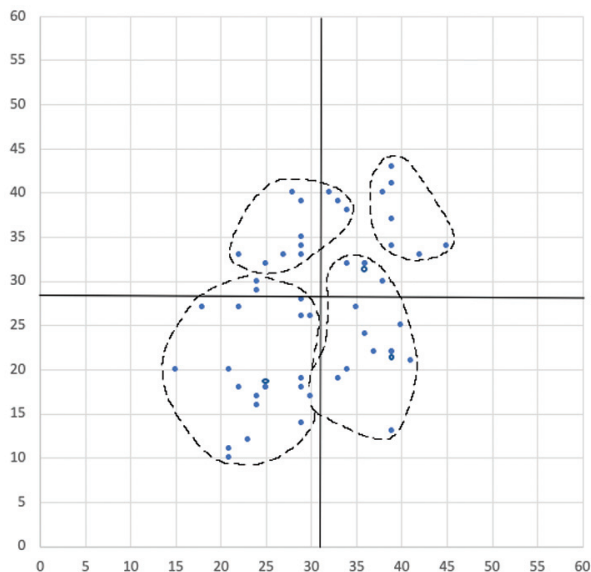


Рис. 3. Распределение местных обществ по количеству промысловых практик, основывающихся на естественных (природных и хозяйственных, ось X) и социальных (инфраструктурных, людских и государственных, ось Y) источниках ресурсов

Каждая точка репрезентирует совокупность промыслов домохозяйств нескольких населенных пунктов одного местного общества или его части (общины). Сплошными линиями отмечены медианные значения числа промысловых практик: ось X=31; ось Y=28. Пунктирными линиями ограничены общества, расположенные преимущественно в разных квадрантах и имеющие близкое количество промыслов на одинаковых группах ресурсов и, как правило, сходный состав промыслов. Обозначения квадрантов: 1 — общества с малым общим количеством промысловых практик, базирующихся на всех группах ресурсов; 2 — общества с малым количеством промыслов на естественных ресурсах и большим количеством промыслов на социальных ресурсах; 3 — общества с большим количеством промыслов на естественных ресурсах и малым количеством промыслов на социальных ресурсах; 4 — общества с большим количеством промыслов на всех группах ресурсов.

номических практик на всех видах ресурсов обусловлено промышленной специализацией отдельных домохозяйств. Большинство домохозяйств перешло на отдельные промыслы, которые приносят им значительный доход. На приграничных территориях это почти всегда трансграничная

торговля и контрабанда, разнообразные неформальные услуги для иностранных граждан (среди них китайцы, корейцы, японцы, казахи, монголы, грузины, армяне, белорусы, украинцы, финны, норвежцы). На сельских территориях это специализация на высокодоходных промыслах, прямо связанных с местной экономикой. Например, выращивание винограда и кукурузы, а в связи с этим производство вина, коньяка, спирта, араки. Или выращивание сои, бахчевых для продажи, массовая специализация на таких редких промыслах, как заготовка лекарственных трав и грибов (например, мацутак, рейша, чага), выращивание женьшеня или конопли и мака, охота на тигров, барсов, архаров, оленей, вылов осетровых рыб. Все такие неформальные, а нередко и криминальные промысла высокодоходны, при этом трудоемкость их существенно ниже, чем хозяйственные виды промыслов или простой сбор дикоросов, дров и валежника, рыбалка. Здесь присутствуют также общества с узкоспециализированной формальной экономикой: на их территории расположены действующие крупные промышленные предприятия, агрохолдинги (или они действовали до недавнего времени, но домохозяйства еще не успели приспособиться к новой экономической реальности). В этом случае официальные доходы домохозяйств достаточны для жизнеобеспечения и нет необходимости в разнообразных промыслах.

Кластер 2 объединяет общества, домохозяйства которых практикуют немного промыслов с использованием естественных ресурсов, но много промыслов на социальных источниках ресурсов. Особенность их состоит в том, что это исключительно городские сообщества (8) с хорошо развитой местной промышленностью, большим количеством специализированных средних предприятий, экономически развитой сельской округой. Здесь совсем нет обществ, подобных тем, что объединяет кластер 1. Неформальная хозяйственная активность домохозяйств диверсифицирована, но она базируется не на природных ресурсах (во всяком случае их недостаточно на территориях этих обществ) и не на хозяйственных ресурсах в силу преимущественно городского образа жизни и отсутствия усадеб или их очень малой площади. В некотором смысле эти общества также специализированы, но их специализация основана на высокомаржинальных неформальных практиках, как правило, с использованием инфраструктурных и человеческих ресурсов (дачники, отдыхающие и туристы).

Кластер 3 образуют общества, противоположные предыдущим (как кластеру 1, так и кластеру 2) по характеру и распространенности промысловых практики. Здесь нет развитой формальной местной экономики, доминирует бюджетная сфера, в которой занято до 60 % и более трудо-



способного населения и совсем нет специализированных предприятий. Основу неформальной экономики этих обществ составляют как раз промыслы, базирующиеся на группе источников естественных ресурсов, а социальные ресурсы значимы много меньше. Инфраструктурные ресурсы недостаточны, туристов мало, городских дачников нет. Зато тут хорошо развиты промыслы на государстве. Потому кластер составляют преимущественно сельские общества (13), располагающиеся на обширных территориях с достаточными и богатыми природными ресурсами, усадьбы большинства домохозяйств достаточно велики, чтобы полностью обеспечить семью собственной продукцией.

Наконец, кластер 4 образуют общества, домохозяйства которых практикуют много видов промыслов, базирующихся как на обильных природных и хозяйственных ресурсах, так и на социальных. Здесь много городов и развитая сельская округа, территория обширна, природных ресурсов много, население имеет хорошую доступность для их использования, транспортная, энергетическая и коммунальная инфраструктура развиты. Только относительно слабое развитие формальной местной экономики заставляет людей широко практиковать промыслы.

Рассматривая полученную картину распределения обществ по количеству видов экономических практик в связи с источниками ресурсов, можно заключить, что узкая специализация обществ кластера 1 ставит их в наименее выгодное положение по сравнению со всеми остальными, а общества кластера 4 имеют оптимальную экономическую устойчивость за счет диверсификации источников ресурсов. Две другие группы обществ, объединенные в кластерах 2 и 3, выглядят более специализированными, но первые из них (кластер 2) находятся в более выгодном положении за счет меньшей трудоемкости и большей маржинальности совокупности промысловых практик. Зато общества кластера 3 существенно более экономически устойчивы за счет использования природных и самостоятельно произведенных ресурсов. В целом общества, в которых домохозяйства практикуют разнообразные промыслы на природных и хозяйственных ресурсах (кластеры 3 и 4), представляются экономически устойчивыми и самодостаточными по сравнению с узкоспециализированными (кластер 1) и ориентированными на социальные источники ресурсов (кластер 2) местными обществами.

\* \* \*

Выявленное разнообразие промыслов населения свидетельствует об изобилии ресурсов разной природы на большинстве провинциальных российских территорий, причем как природных и традиционных сельскохозяйственных, так и новых, появившихся в связи с туристическим,

инфраструктурным и промышленным развитием территорий. Как следствие, ресурсное изобилие благоприятствует широкому распространению неформальных экономических практик, промыслов. Размеры промысловой активности таковы, что повсеместно превосходят формальный сектор экономики. Такая относительная автономность провинциальных домохозяйств в сочетании с разнообразием промыслов обеспечивает самодостаточность и устойчивость местного общества: чем разнообразнее промысловая активность населения, основывающаяся на ресурсах разной природы, чем больше практик имеет каждое отдельное домохозяйство, тем вероятнее легкость перехода домохозяйств от одного основного вида промыслов к другому без смены источника ресурсов. Не меньшее значение для обеспечения устойчивости местного общества имеет такой фактор, как соотношение архаических и современных видов промыслов на территории. Количество, разнообразие и соотношение разных видов промысловых практик выступают в качестве факторов устойчивости местных обществ или отдельных общин к внешним неблагоприятным воздействиям экономической, экологической или политической природы. Это заставляет предполагать, что неформальная экономическая активность населения, выраженная в многообразии промысловых практик, является основой и социально-экономической устойчивости провинциальных обществ. Другими словами, самостоятельное экономическое поведение населения составляет основу системы жизнеобеспечения любого локального провинциального общества. С точки зрения локальной социальной структуры хозяйственно-экономические практики представляются ее лабильным компонентом, ответственным за срочную адаптацию как отдельных домохозяйств, так и местных обществ (Plusnin 2022: 363–364).

### **Благодарности**

Материалы, представленные в статье, получены в ходе исследований в рамках программы «Научный фонд Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)» в 2017–2018 (грант № 17-01-0027 «Архаические элементы в структуре современного российского общества») и 2019–2020 гг. (грант № 19-01-067 «Провинциальные промыслы: неформальные экономические практики населения») и в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5-100». Часть материалов получена в ходе экспедиций, осуществленных на средства, выделенные Фондом поддержки социальных исследований «Хамовники» в рамках проекта № 2013-007 «Структура российского провинциального общества».

Инициатива исследований промысловых практик населения провинциальных местных обществ исходила от профессора С.Г. Кордонского, которому я глубоко признателен. Содержание работы подробно обсуждалось с ним, в ряде экспедиций нами совместно собирался эмпирический материал.

### Литература

Барсукова С.Ю. (2003а) Неформальная экономика: понятие, структура. *Экономическая социология*, 4(4): 15–36.

Барсукова С.Ю. (2003б) Сетевая взаимопомощь российских домохозяйств: теория и практика экономики дара. *Мир России*, 12(2): 81–122.

Барсукова С.Ю. (2009) *Неформальная экономика: экономико-социологический анализ*. М.: Изд-во ГУ ВШЭ.

Владимирский Н.Н. (1927) *Отход крестьянства Костромской губернии на заработки*. Кострома: Издание Костромского губстатотдела.

Водарский Я.Е., Истомина Э.Г. (2004) *Сельские кустарные промыслы Европейской России на рубеже XIX–XX столетий*. М.: ИРИ РАН.

Гимпельсон В.Е., Капелюшников Р.И. (ред.) (2006) *Нестандартная занятость в российской экономике*. М.: ИД ГУ-ВШЭ.

Гимпельсон В.Е., Капелюшников Р.И. (ред.) (2014) *В тени регулирования: неформальность на российском рынке труда*. М.: ИД Высшей школы экономики.

Гиндин Я. (1925) Наш хозяйственный подъем и новые задачи регулирования рынка труда. *Вопросы труда*, 11: 38–44.

Ильин В.И. (2001) *Российский базар: социальная организация и маркетинг*. Сыктывкар: Изд-во Сыктывкарского университета.

Ильин В.И. (2006) *Драматургия качественного полевого исследования*. СПб.: Интерсоцис.

Ковалев Е.М., Штейнберг И.Е. (1999) Качественные методы в полевых социологических исследованиях. М.: Логос.

Коллиер П. (2016) *Исход: как миграция изменяет наш мир*. М.: Изд-во Института Гайдара.

Кордонский С.Г. (2000) *Рынки власти. Административные рынки СССР и России*. М.: ОГИ.

Кордонский С.Г. (2010) *Россия. Поместная федерация*. М.: Европа.

Кордонский С.Г., Плюснин Ю.М. (2018) Архаические экономические институты: распределенные мануфактуры в малых городах России. *Мир России*, 27(4): 6–30.

Кулишер И.М. (2004) *История русского народного хозяйства*. Челябинск: Социум.

*Кустарная промышленность России. Разные промыслы: очерки* (1913): в 2 т. СПб.: Г.У.З. и З. Отд. сельской экономики и сельскохоз. статистики.

Нефедова Т.Г., Аверкиева К.В., Махрова А.Г. (ред.) (2016) *Между домом и... домом. Возвратная пространственная мобильность населения России*. М.: Новый хронограф.

Минц Л.Е. (1929) *Аграрное перенаселение и рынок труда в СССР*. М.; Л.: ГИЗ.

Павлов А.Б., Селеев С.С. (2015) Феноменологическое описание современных промыслов. *Universum: общественные науки: электронный научный журнал*, 3(13): 25–41.

Плюснин Ю.М. (2018) Промыслы провинции: архаические и современные экономические практики населения. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 21(1): 73–106.

Плюснин Ю.М. (2022) *Социальная структура провинциального общества*. М.: Common place; Фонд социальных исследований «Хамовники».

Плюснин Ю.М., Пошевнёв Г.С. (1997) *Социальная психология безработного*. Новосибирск: Центр социальной адаптации.

Плюснин Ю.М., Заусаева Я.Д., Жидкевич Н.Н., Позаненко А.А. (2013) *Отходники*. М.: Новый хронограф.

Радаев В.В. (1999) Теневая экономика в России: изменение контуров. *Pro et Contra*, 4(10): 5–24.

Радаев В.В. (ред.) (2013) *Неформальная экономика в российских домохозяйствах в первой половине 2000-х: домашний труд, агропроизводство и межсемейные трансферты*. М.: ИД Высшей школы экономики.

Селеев С.С., Павлов А.Б. (2016) *Гаражники*. М.: Страна ОЗ.

Стэндинг Г. (2014) *Прекариат: новый опасный класс*. М.: Ад Маргинем Пресс.

Чепуренко А.Ю. (2008) Раннее предпринимательство в России: промежуточные результаты GEM. *Мир России*, 17(2): 22–40.

Barsukova S., Radaev V.V. (2012) Informal Economy in Russia: A Brief Overview. *Economic Sociology. The European electronic newsletter*, 13(2): 4–12.

Blum J. (1992) *Lord and Peasant in Russia from the 9th to the 19th Century*. Princeton, NJ: Princeton University Press.

Chepurenko (2018) A. Small family business in Russia: formal or informal? *International Journal of Sociology and Social Policy*, 38(9/10): 809–822.

Garfinkel H. (1984) *Studies in Ethnomethodology*. Cambridge, UK: Polity Press.

Grossman G. (1977) The Second Economy of the USSR. *Problems of Communism*, 26(5): 40.

Kordonsky S. (2016) *The social structure of Russia*. Stuttgart: ibidem-Verlag.

Kostakis V., Bauwens M. (2014) *Network Society and Future Scenarios for a Collaborative Economy*. L.: Palgrave Pivot.

Ledeneva A.V. (1998) *Russia's Economy of Favours: "Blat", Networking and Informal Exchange*. Cambridge: Cambridge University Press.

Ledeneva A. (ed.) (2018) *The Global Encyclopaedia of Informality. Understanding Social and Cultural Complexity*, Vol. 1. L.: UCL Press.

Plusnin J. (202) *Russian Provincial Society. An Empirical Analysis*. Springer: Cham.

Plusnin J.M., Zausaeva Ya.D., Zhidkevich N.N., Pozanenko A.A. (2015) *Wandering workers. Mores, behavior, way of life, and political status of domestic Russian labor migrants*. Stuttgart: ibidem-Verlag.

Plusnin J.M., Kordonsky S.G. (2020) Revived Archaic: “scattered manufactories” in provincial Russia. *Cahiers di Scienze Sociali*, 13: 31–57.

Schneider F. (2005) Shadow economy around the world: what do we really know? *European Journal of Political Economy*, 21(2): 598–642.

Schneider F. (2015) *Size and development of the shadow economy of 31 European and 5 other OECD countries from 2003 to 2015: Different Developments*. 8 Pages, January 20, 2015, ShadEcEurope31\_January2015.doc [<https://docplayer.net/11317347-Size-and-development-of-the-shadow-economy-of-31-european-and-5-other-oecd-countries-from-2003-to-2015-different-developments.html>] (дата обращения: 12.04.2022).

Schneider F., Enste D. (2000) Shadow Economies: Size, Causes, and Consequences. *Journal of Economic Literature*, 38(1): 77–114.

Scott J. (1976) *The Moral Economy of the Peasant: Rebellion and Subsistence in Southeast Asia*. New Haven: Yale University Press.

Standing G. (2011). *The precariat. The new dangerous class*. L.: Bloomsbury Publishing Plc.

Williams C. (2009) Formal and informal employment in Europe: beyond dualistic representations. *European Urban and Regional Studies*, 16 (2): 147–159.

## INFORMAL ECONOMY OF THE RUSSIAN PROVINCE. RESOURCE SOURCES AND HOUSEHOLD CRAFT PRACTICES

*Juri M. Plusnin* (jplusnin@hse.ru)

National Research University — Higher School of Economics, Moscow, Russia

**Citation:** Plusnin J.M. (2022) Neformal'naya ekonomika rossiysskoy provintsii. Istochniki resursov i vidy promyslovykh praktik domokhozyaystv [Informal economy of the Russian province. Resource sources and household craft practices]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 25(3): 58–90 (in Russian). <https://doi.org/10.31119/jssa.2022.25.3.3>

**Abstract.** An empirical study of informal economic practices (crafts) of provincial households has been carried out. It is based on materials received in 16 Russian regions. There is a qualitative research methodology. The author applies the classical methodology of qualitative research. The main methods are direct observation and interviews. Provincial crafts make up a significant share of household income and are mainly aimed

at self-sufficiency. A typology of crafts is presented. Four types are distinguished: household crafts, “scattered manufactories”, “garage economy” and “*otkhodnichestvo*” (temporary internal labor migration). It is shown that the types of craft practices have different meanings for residents of rural areas, small, medium and large cities. Household crafts and “*otkhodnichestvo*” are most important for rural residents, the “garage economy” for residents of large cities. All four types of crafts are represented in small towns.

Five types of resources that are sources of crafts have been identified. They are divided into groups of natural and social resources (infrastructural, human and state). The types of crafts implemented using different resources are described. According to the number and structure of craft practices of households using different groups of resources, local communities are differentiated into several clusters, regardless of geographical location and environmental and climatic conditions. Households narrowly specialized in a few crafts are isolated, with special economic conditions, and rural communities. Households with a predominance of crafts on natural and household’s resources make up mostly isolated self-sustaining rural communities. Households where social resource crafts predominate over natural resource crafts are urban societies with a developed industry, and with low self-sufficiency. Households that use a large number of craft practices involving all types of resources are represented by long-established urban and rural societies with a well-developed local economy. The economic sustainability of provincial societies, whose informal economy is based on different sources of resources, is discussed.

**Keywords:** informal economy, provincial local society, resources, crafts, household economic behavior, life support system.

### Acknowledgements

The article was prepared within the framework of the Academic Fund Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE) in 2017–2018 (grant no. 17-01-0027). And in 2019–2020 (grant no. 19-01-067) and by the Russian Academic Excellence Project “5-100”. This field research was initiated by prof. S.G. Kordonsky.

### References

- Barsukova S.Yu. (2003a) *Neformal'naya ekonomika: ponyatiye, struktura* [Informal economy: initiative, structure]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya* [Economic Sociology], 4(4): 15–36 (in Russian).
- Barsukova S.Yu. (2003b) *Setevaya vzaimopomoshch' rossiyskikh domokhozyaystv: teoriya i praktika ekonomiki dara* [Networked Mutual Aid in Russian Households: Theory and Practice of the Gift Economy]. *Mir Rossii* [The Universe of Russia], 12(2): 81–122 (in Russian).
- Barsukova S.Yu. (2009) *Neformal'naya ekonomika: ekonomiko-sotsiologicheskii analiz* [The informal economy: an economic and sociological analysis]. Moscow: Izd-vo GU VSHE (in Russian).
- Barsukova S., Radaev V.V. (2012) Informal Economy in Russia: A Brief Overview. *Economic Sociology. The European electronic newsletter*, 13(2): 4–12.
- Blum J. (1992) *Lord and Peasant in Russia from the 9th to the 19th Century*. Princeton, NJ: Princeton University Press.

Chepurenko (2018) A. Small family business in Russia: formal or informal? *International Journal of Sociology and Social Policy*, 38(9/10): 809–822.

Chepurenko A.Yu. (2008) Ranneye predprinimatel'stvo v Rossii: promezhutochnyye rezultaty GEM [Early Entrepreneurship in Russia: GEM Interim Results]. *Mir Rossii* [The Universe of Russia], 17(2): 22–40 (in Russian).

Collier P. (2016) *Iskhod: kak migratsiya izmenyayet nash mir* [Exodus: How regulation is changing our world]. Moscow: Izd-vo Instituta Gaydara (in Russian).

Kordonskiy S.G. (2000) *Rynki vlasti. Administrativnyye rynki SSSR i Rossii* [Power Markets. Administrative markets of the USSR and Russia]. Moscow: OGI (in Russian).  
Garfinkel H. (1984) *Studies in Ethnomethodology*. Cambridge, UK: Polity Press.

Gimpelson V.Ye., Kapelyushnikov R.I. (ed.) (2006) *Nestandartnaya zanyatost' v rossiyskoy ekonomike* [Precarious employment in the Russian economy]. Moscow: Izdatel'skiy Dom GU-VSHE (in Russian).

Gimpelson V.Ye., Kapelyushnikov R.I. (red) (2014) *V teni regulirovaniya: neformal'nost' na rossiyskom rynke truda* [In regulation of shadows: informality in the Russian labor market]. Moscow: Izd. dom Vysshey shkoly ekonomiki (in Russian).

Gindin Y. (1925) Nash khozyaystvennyy pod'yem i novyye zadachi regulirovaniya rynka truda [Our economic rise and new tasks of labor market regulation]. *Voprosy truda* [Labor Issues], 11: 38–44 (in Russian).

Grossman G. (1977) The Second Economy of the USSR. *Problems of Communism*, 26(5): 40.

Ilyin V.I. (2001) *Rossiyskiy bazar: sotsial'naya organizatsiya i marketing* [Russian bazaar: social organization and marketing]. Syktyvkar: Izd-vo Syktyvkarskogo universiteta (in Russian).

Ilyin V.I. (2006) *Dramaturgiya kachestvennogo polevogo issledovaniya* [Dramaturgy of Qualitative Field Research]. St. Petersburg: Intersotsis (in Russian).

Kordonskiy S.G., Plusnin J.M. (2018) Archaicheskiye ekonomicheskiye instituty: raspredelennyye manufakturnyye v malykh gorodakh Rossii [Archaic Economic Institutions: Distributed Manufactories in Russian Small Towns]. *Mir Rossii* [The Universe of Russia], 27(4): 6–30 (in Russian).

Kordonskiy S.G. (2010) *Rossiya. Pomestnaya federatsiya* [Russia. Estate federation]. Moscow: Yevropa Publ. (in Russian).

Kordonskiy S. (2016) *The social structure of Russia*. Stuttgart: ibidem-Verlag.

Kostakis V., Bauwens M. (2014) *Network Society and Future Scenarios for a Collaborative Economy*. London: Palgrave Pivot.

Kovalev Ye.M., Shteynberg I.Ye. (1999) *Kachestvennyye metody v polevykh sotsiologicheskikh issledovaniyakh* [Qualitative methods in field sociological research]. Moscow: Logos (in Russian).

Kulisher I.M. (2004) *Istoriya russkogo narodnogo khozyaystva* [History of the Russian national economy]. Chelyabinsk: Sotsium (in Russian).

*Kustarnaya promyshlennost' Rossii. Raznyye promysly: ocherki* [Handicraft industry of Russia. Miscellaneous Trades: Essays] (1913). 2 t. St. Petersburg: G.U.Z. i Z. Otd. sel'skoy ekonomii i sel'skokhoz. statistiki (in Russian).

Ledeneva A. (ed.) (2018) *The Global Encyclopaedia of Informality. Understanding Social and Cultural Complexity*, Vol. 1. London: UCL Press.



Ledeneva A. V. (1998) *Russia's Economy of Favours: "Blat", Networking and Informal Exchange*. Cambridge: Cambridge University Press.

Mints L.Ye. (1929) *Agrarnoye perenaseleniye i rynek truda v SSSR* [Agrarian overpopulation and the labor market in the USSR]. Moscow; Leningrad: GIZ (in Russian).

Nefedova T.G., Averkiyeva K.V., Makhrova A.G. (eds.) (2016) *Mezhdru domom i... domom. Vozvratnaya prostranstvennaya mobil'nost' naseleniya Rossii* [Between home and ... home. Return free mobility of the population of Russia]. Moscow: Novyy Khronograf (in Russian).

Pavlov A.B., Seleyev S.S. (2015) Fenomenologicheskoye opisaniye sovremennykh promyslov [Phenomenological description of modern crafts]. *Universum: Obshchestvennyye nauki: elektronnyy nauchnyy zhurnal* [Universum: Social Sciences: Electronic Scientific Journal], 3(13): 25–41 (in Russian).

Plusnin Ju.M., Kordonsky S.G. (2020) Revived Archaic: "scattered manufactories" in provincial Russia. *Cahiers di Scienze Sociali*, 13: 31–57.

Plusnin Ju.M., Zausaeva Ya.D., Zhidkevich N.N., Pozanenko A.A. (2015) *Wandering workers. Mores, behavior, way of life, and political status of domestic Russian labor migrants*. Stuttgart: ibidem-Verlag.

Plusnin Ju.M. (2018) Promysly provintsii: arkhaischeskiye i sovremennyye ekonomicheskiye praktiki naseleniya [Crafts of the province: archaic and modern economic practices of the population]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 21(1): 73–106 (in Russian).

Plusnin Ju.M. (2022) *Sotsial'naya struktura provintsial'nogo obshchestva* [The social structure of a provincial society]. Moscow: Common place; Fond sotsial'nykh issledovaniy «Khamovniki» (in Russian).

Plusnin J. (2022) *Russian Provincial Society. An Empirical Analysis*. Springer: Cham.

Plusnin Ju.M., Poshevnov G.S. (1997) *Sotsial'naya psikhologiya bezrabortnogo* [Social psychology of the unemployed]. Novosibirsk: Tsentr sotsial'noy adaptatsii (in Russian).

Plusnin Ju.M., Zausayeva YA.D., Zhidkevich N.N., Pozanenko A.A. (2013) *Otkhodniki*. Moscow: Novyy khronograf (in Russian).

Radayev V.V. (1999) Tenevaya ekonomika v Rossii: izmeneniye konturov [The shadow economy in Russia: reshaping the contours]. *Pro et Contra*, 4(10): 5–24 (in Russian).

Radayev V.V. (ed.) (2013) *Neformal'naya ekonomika v rossiyskikh domokhozyaystvakh v pervoy polovine 2000-kh: domashniy trud, agroproduzvodstvo i mezhsmeynnyye transferty* [The informal economy in Russian households in the first half of the 2000s: domestic labor, agriculture and inter-family transfers]. Moscow: Izd. dom Vysshey shkoly ekonomiki (in Russian).

Schneider F., Enste D. (2000) Shadow Economies: Size, Causes, and Consequences. *Journal of Economic Literature*, 38(1): 77–114.

Schneider F. (2005) Shadow economy around the world: what do we really know? *European Journal of Political Economy*, 21(2): 598–642.

Schneider F. (2015) *Size and development of the shadow economy of 31 European and 5 other OECD countries from 2003 to 2015: Different Developments*. 8 Pages, January 20, 2015, ShadEcEurope31\_January2015.doc [https://docplayer.net/11317347-Size-and-



development-of-the-shadow-economy-of-31-european-and-5-other-oecd-countries-from-2003-to-2015-different-developments.html] (accessed: 12.04.2022).

Scott J. (1976) *The Moral Economy of the Peasant: Rebellion and Subsistence in Southeast Asia*. New Haven: Yale University Press.

Seleyev S.S., Pavlov A.B. (2016) *Garazhniki*. Moscow: Strana OZ (in Russian).

Standing G. (2011). *The precariat. The new dangerous class*. London: Bloomsbury Publishing Plc.

Standing G. (2014) *Prekariat: novyy opasnyy klass* [The precariat. The new dangerous class]. Moscow: Ad Marginem Press (in Russian).

Vladimirskiy N.N. (1927) *Otkhod krest'yanstva Kostromskoy gubernii na zarabotki* [The departure of the peasantry of the Kostroma province to work]. Kostroma: Izdaniye Kostromskogo gubstatotdela (in Russian).

Vodarskiy Y.Ye., Istomina E.G. (2004) *Sel'skiye kustarnyye promysly Yevropeyskoy Rossii na rubezhe XIX–XX stoletiy* [Rural handicrafts covering Russia at the turn of the XIX–XX centuries]. Moscow: IRI RAN (in Russian).

Williams C. (2009) Formal and informal employment in Europe: beyond dualistic representations. *European Urban and Regional Studies*, 16(2): 147–159.